

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В. П. ЛАСКОВИЧА С ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И ЧЛЕНАМИ КПЗБ

*Владислав Чащевой
Брест, Беларусь*

В данной статье будет рассмотрена история взаимоотношений одного из ведущих исследователей истории Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) Ласковича В.П. с бывшими ветеранами этой партии и исследователями истории КПЗБ. Исследование основано на материалах Государственного архива Брестской области. Также в статье анализируется влияние этих взаимоотношений на публицистическую деятельность Ласковича делаются выводы о том, что отношения Ласковича с бывшими членами КПЗБ и исследователями революционного движения в Западной Беларуси, развивались благодаря его активной научно-публицистической деятельности, что содействовало росту его известности и популярности в советском обществе.

Ключевые слова: *исследование, взаимоотношения, публицистическая деятельность*

На протяжении революционного прошлого и последующей послевоенной работы в архивах СССР и в Брестской крепости Ласкович В.П. активно общался со многими бывшими членами КПЗБ и исследователями западнобелорусского революционного движения, в особенности с Н.С. Орехво – ярким исследователем КПЗБ, главой исследовательского коллектива по изучению истории КПЗБ, который был у истоков создания КПЗБ. После Великой Отечественной Войны Ласкович часто консультировался с Орехво по правильному написанию статей, рукописей, так как наш герой не имел исторического образования, и делал только первые свои шаги в деле исследований КПЗБ и сбору данных об членах КПЗБ и их деяниях. В частности Ласкович консультировался с Н.С. Орехво по поводу своей работы по Дубовику – члену КПЗБ. Примечательной является переписка между ними, в которой Орехво дает рекомендации и замечания Ласковичу по стилю написания исследований. Так наш герой в переписке с Орехво отстаивает право на домысел как форму художественного обобщения, предлагает в елейнейших тонах писать о деятелях КПЗБ, но в первую очередь о Дубовике и Орехво... «Главные герои по моему замыслу это Вы и Дубовик. Вы оба участника гражданской войны, оба стояли у истоков создания КПЗБ. Давыдович упрекает меня за выдумку» - писал Ласкович [5, л. 82–85].

Орехво писал Ласковичу по поводу эмоциональной окрашенности и детективизмы: «Твои рассуждения в общем правильные. Какая-то доза вымысла должна быть, но домысел не должен извращать тактику, формы и методы деятельности КПЗБ, наоборот, должен утверждать их. Нельзя также увлекаться детективной формой изложения, а лишь правильно показывать употребляемые нами формы и методы конспирации» [5, л. 86].

Письмо Орехво адресованное Ласковичу, показывающее критичность Орехвы по поводу правильности описанного исторического факта: «У меня лично вызывают сомнения описанный тобой факт выступления на собрании рабочих одновременно и Дворникова и Р. Каплан и тебя. Если это было правда, то надо было вас всех крепко вздуть» [5, л. 90].

В письме к Ласковичу Орехво предлагает собрать материалы для сборника воспоминаний ветеранов партийной школы КПЗБ в Минске, подключив к этому, например Цилю Гурвич, Михася Лынькова и др. Н.С. Орехво в ответ на активность Ласковича говорил ему : «Понимаю твои мечты и порывы разумом, во многом поддерживаю, но как много нам хотелось и как мало можем, т.к. невозможно объять необъятное. Действуй. Панкова у тебя есть, Дубовика делай» [5, л. 22, 91].

В итоге Орехво рекомендовал Ласковичу писать о Дубовике. Ласкович хотел затронуть вопрос помещения статей о членах КПЗБ в Белорусской советской

энциклопедии. Он хвалил Орехво и его авторский коллектив за книгу «Революционный путь Компартии Западной Белоруссии».

Орехво просит Ласковича уведомить своих товарищей и знакомых об этой книге. У Орехво было впечатление, что Ласкович обиделся на него из-за медлительности издания очерка о Панковой, предлагал свое соавторство. Предложил написать небольшой биографический очерк о Дубовике, на фоне революционных событий в Западной Беларуси. Орехво помогал Ласковичу корректировать материалы. Орехво хорошо оценил его статью о Кобринском восстании. Одобрял задумку Ласковича по изданию сборника воспоминаний о революционном прошлом Брестчины.

Орехво просил Ласковича в своих трудах избегать «детективизмы». Говорил о том, что о Дубовике писать довольно сложно, но не безнадежно, и Ласковичу надо крепко поработать над этим.

Ласкович просил у Орехвы помощи в написании истории революционной борьбы КПЗБ в Полесском воеводстве (помочь с критикой плана), ожидая практической помощи и указаний от Орехво. Орехво помог ему, рекомендуя написать историю Новоселковского (Кобринского) восстания. Ласкович даже хотел выпустить повесть об Орехво, считая его воплощением высокой чистоты, примерного человека, коммуниста.

Ласкович безусловно уважал Орехво за его научную деятельность и помощь, примечателен фрагмент переписки между ними, в которой он сравнивает свою исследовательскую деятельность с деятельностью Орехво и писал: «Ваши замечания (Орехво) о нашем «циркуляре» по собиранию материалов о школе учтем. Да, мы такую памятку напечатали, с этого, конечно, ничего не получится, так как все не желают писать. Я Вас понял. Поэтому тов. Добрияну сообщу, и мы инициативу свернем. Конечно, издание сборника мы без товарища Н.С. Орехво и института в целом не одолеем, но если соберем хорошие воспоминания и положим на стол института, то сборник они издадут». Ведь чего там греха таить, столько, сколько я работаю над темой КПЗБ (кроме Вас конечно), никто не работает. Поэтому же за одно это мне нужно внимание» [5, л. 16].

Из письма Ласковича к Орехво узнаем о просьбе Орехво подготовить отрицательную рецензию на книгу Т. Глинской, Ласкович в целом согласился: «Все понял. Книгу только что купил дочитываю. Ошибки, указанные в книге я частично обнаружил, сейчас детализирую. Постараюсь в газете выступить сам, если мне разрешат это сделать. Дело в том, что в отделе, где должна обрабатываться статья сидят ее старые дружки. Короче говоря, постараюсь (зачеркнуто на «буду») сделать все возможное» [5, л. 66]. Из этого фрагмента переписки видно, что Ласкович считал Н.С. Орехво «авторитетом» среди исследователей КПЗБ и выполнял его просьбы.

Ласкович принимал критику Орехво как видного «знатока» и исследователя истории КПЗБ и поэтому наш герой сделал Орехво своим рецензентом повести «Тайными тропами» о Софии Панковой [13]. Н.С. Орехво отметил, что повесть хорошая, на детектив не соскочнула, в которой правильно показан общий фон, где действовала подпольщица и не замечено отступлений от биографических данных. Отметил, что книга написана грамотно, хорошим языком, который позволяет ее читать легко и с интересом. Поздравляет с несомненным успехом [3, л. 1–2]. Ласкович благодарен Орехво и просит помочь ему увековечить Софию Панкову, как Героя Советского Союза.

Многие читатели приняли повесть о Панковой «Тайными тропами» [13], которую выдали тиражом в 5370 экземпляров на Брестскую область. Повесть получила многочисленные положительные отзывы читателей, в которых отмечалось, что повесть написана эмоционально и с достаточной степенью документальности. Читатели указывали на правдивость атмосферы тогдашней эпохи, переданной в книге, наполненной калоритными сценами из жизни, что придало повести глубину и объемность. Указали на удачно изображенный психологический портрет героини, успешный показ в книге всей сложности опасной подпольной работы Софии Панковой [3, л. 91].

Если говорить о самой повести которую Ласкович издал в 1974 г. при ее написании нужно было находить много данных о Софии Панковой. Так Ласкович переписывался с

учителем из Калуги Лебедевой Галиной Павловной, так как она являлась подругой Софии Панковой, поэтому он переписывался с ней. Также Ласкович хотел выдать книгу про Панкову и интересовался периодом ее жизни с 1919 по 1927 гг., в особенности деталями жизни Панковой [7, л. 41].

Положительное отношение общественности к Ласковичу как к публицисту сохранилось и после распада СССР. Доказательством является один из отзывов на литературный труд «Из племени непокоренных» [11] выложенный на страницах газеты «Вечерний Брест». В отзыве констатировалось, что книга несет подробное изложение событий, содержащих массу информации о фамилиях, фактах, деталях быта, нюансах общественных и национальных отношений. Отмечается, что Ласкович свидетельствует об этом искренне и достоверно. Указывается, что книга публициста не оставит читателя равнодушным к судьбе ее героя и его товарищей и является прекрасным подарком для молодежи. В отзыве отмечается, что Ласкович стремился через свою книгу научить любить свою родную Беларусь, бороться против войн, добиваться единения славян, всех людей доброй воли. В отзыве содержится рекомендация по прочтению этой книги школьниками, студентами, всеми молодыми людьми, уважающими историю своего народа, что будет содействовать повышению интереса к истории своей страны.

Перед выходом книги в «свет» ее рецензировал директор Института литературы им. Янки Купалы Академии наук Владимир Гниломедов. После того как книга вышла в тираж Ласкович обратился к нему с просьбой обновить отзыв о книге, ученый ответил: «Я ценю вас как мемуариста. Осовременить отзыв я не берусь. Книга Ваша рассчитана на все времена, а не в угоду моменту. Ваши воспоминания не нуждаются в предисловии или послесловии – они говорят живым языком сами за себя» [11, с. 6–8].

Примечателен отзыв на рукопись В.П. Ласковича «Отзвук Далекой Грозы» [14], в котором указывается что Ласкович является революционером, посвятившим собственную жизнь борьбе за национальное и социальное освобождение своего народа, прошлое которого пронизано подлинной героикой революционной борьбы, который заслуживает всяческого уважения. Отмечается, что он является бывшим членом КПЗБ, считается ветераном этой партии, которому есть что сказать тем, кто только вступает в жизнь, делает по ней первые шаги, ищет примеры для подражания. Рукопись Ласкович посвящает комсомолу Советской Беларуси. Ценность работы автора (Ласковича) в том, что она обобщает его личный опыт подпольной деятельности, правдиво показывает обстановку в Западной Беларуси в 20–30-е гг. нынешнего столетия, мужество и героизм коммунистов, вступивших в борьбу с режимом буржуазно-помещичьей Польши. Рецензенты отмечают что автор (Ласкович) старается соблюдать хронологию, излагая события в определенной последовательности, приводит немало фактов, которые могут представлять интерес для самого широкого круга читателей, отмечают рецензенты в отзыве о рукописи «Отзвук Далекой Грозы» [9, л. 16, 55].

И отзыв на исторический очерк «Подвиг Коммунистической партии Западной Белоруссии 1919–1939 гг» [12], раскрывающий мнение корреспондента газеты «Брестского курьера» в 2003 г. и иллюстрирующего общую оценку этого литературного труда публициста и самой личности Ласковича, посвятившего значительную часть своего времени на подготовку очерка. В отзыве отмечается, что исторический очерк готовился к печати не один год и его напечатали за средства Брестского горисполкома. Указывается, что Ласкович в результате многолетнего сбора исторических материалов, напряженной архивной и творческой работы, утомительных хождений по инстанциям, убедил власти в целесообразности появления данного труда в свет. Это удалось сделать Ласковичу несмотря не только на традиционную нехватку средств, но и на тему очерка, которая в это время для чиновников была малоизученной, малозначащей. В отзыве указывается, что автор является свидетелем и участником описываемых событий, через которые прошла его жизнь, молодые годы.

Рецензент в своем отзыве указывает, что уникальностью очерка является 2 вещи: во-первых, в самом факте издания книги (кстати, небольшом тираже в 500 экземпляров, что дает

все шансы ему стать со временем библиографической редкостью) и во-вторых, в бескомпромиссности суждений автора (Ласковича) в расстановке исторических акцентов и оценок, основанных на многочисленных документах той эпохи и личном жизненном опыте участника событий. В книге описываются основные этапы революционной борьбы во главе с КПЗБ на Западной Беларуси в составе Польши за свою национальную независимость и воссоединение с БССР, прослеживаются этапы этой борьбы, включая исторический отрезок с 1919 по 1939 гг., дается характеристика деятельности различных актуальных на тот период партий, в том числе КПП, КПЗБ, КПЗУ, подробно рассказывается о жизни трудового народа Западной Беларуси, в сложившихся конкретно-исторических условиях раздела влияния в Европе сверхдержав накануне второй мировой войны. Приводятся многочисленные архивные источники, материалы советской, польской, белорусской печати. Рецензент отмечает, что достоинством книги является подлинность используемых материалов и документов, свидетельства очевидцев и участников событий и в первую очередь – самого автора [10, л. 67; 53].

Несомненно, положительные отклики вызывали у Ласковича чувство значимости своего труда и той пользы, что он приносит обществу. Ведь они формировали положительное отношение к его произведениям большей части общества и к личности самого публициста и его научно-исследовательской деятельности, в результате чего Ласкович начал еще активнее печатать свои статьи и произведения, что находило широкий отклик у читателей.

Но следует отметить, что у Ласковича были и критики его трудов, которые делали замечания нашему герою по поводу написания различных публицистических произведений. Критики считали Ласковича революционным романтиком, что он подтверждал. Таких критиков Ласкович считал не способными «ни гореть, ни зажигать». Критиков у Ласковича хватало. Так его критиковал С. Г. Анисов из-за Софии Панковой, по поводу недостоверных сведений о Виленском и Белостокском периодах ее жизни [7, л. 41].

Критика Ласковича присутствует в переписке с Лыньковым Михаилом Тихоновичем (Міхась Лынькоў), который в рекомендациях Ласковичу отметил, что в его рассказе «Цветы у Обелиска» нет стройности, завершенности, художественной убедительности, которые увлекают читателя, нет подлинной завязки, нарастания событий, их кульминации, рассказ слишком статичен, в нем нет динамики, критиковал за «большие нелады» с русским литературным языком, особенно в соподчинении отдельных частей фразы. Лыньков откровенно написал Ласковичу белорусской пословицей «не псуйце понту, злазце з даху», но отметил, чтобы Ласкович не сердился из-за сурового анализа [2, л. 31–36].

В переписке с Кратом Федором Климовичем Ласкович констатирует, что «некоторые глупцы и личные его враги» оспаривают некоторые факты о его публикациях в частности о Гаврилюке, который якобы в 1932–1933 гг. не сидел в Брестской тюрьме. Ласкович утверждал, что это нелепость и Гаврилюк сидел только 1 раз в 1929 г. и «умные» требуют, чтобы он это подтвердил документами. Ласкович просит Федора Климовича защитить «добрую память поэта Гаврилюка» [8, л. 3]. Видно, что наш герой равнодушно принимал критику и довольно резко на нее реагировал.

Также присутствовала критика на Ласковича по оформлению и подаче материала, что наглядно показывает переписка Ласковича с военным журналистом, полковником Л.В. Смолянко о подготовке к изданию рукописи «Тайны старого Бреста» в которой военный журналист делает замечания нашему герою по рукописи. Рекомендует Ласковичу сесть за дело вплотную так как предстоит много работы. Подверг критике рукопись, так как не нашел в ней главной стержневой линии, идеи. Указывает, что нужно подтвердить документальность основы рукописи, добыть какие-то интересные документы, найти романы, поэмы, стихи о подпольщиках. Предупреждал Ласковича от стремления идти проторенной дорогой «мастистых» литераторов. Советует нашему герою заинтересовать читателя острым сюжетом, судьбой людей, возбудить его любопытство и положить в основу рукописи только факты (документальные) имевшие

место в реальной жизни, так как в рукописи их очень мало, и они слабы для показа деятельности подпольщиков героического города Бреста [6, л. 32].

Говоря об отношениях с членами КПЗБ и исследователями революционного движения можно отметить уважительное отношение к ведущему историку КПЗБ Н.С. Орехво, с которым постоянно советовался по поводу написания своих статей, рукописей, советовался насчет труда о Дубовике видном члене КПЗБ, исследованиям его биографии Ласкович посвятил 35 лет и Софии Панковой, которой тоже уделил много времени чтобы исследовать ее революционное прошлое. К Ласковичу как начинающему исследователю относились довольно терпимо, но немало критиковали, в частности Орехво, Лыньков, отмечая увлечение Ласковича детективизацией, сильной эмоциональной окрашенностью, но также указали, что нет стройности, завершенности, художественной убедительности.

Однако Ласкович принимал их критику и совершенствовал свои труды по Софии Панковой и т.д. Следует учесть и то, что впоследствии здравая критика Орехво и других принесли свои положительные плоды. Так читатели положительно оценили труд Ласковича «Тайными тропами» [13], посвященный Софии Панковой и привлечший широкий круг читателей. Однако Ласкович несмотря на то что был «верным ленинцем» не испытывал положительного отношения к советской бюрократии, обвиняя ее в чинимых ею препятствиях в издательской деятельности.

В письме к Орехво Ласкович отмечал сильное сопротивление, которое ему оказывала советская номенклатура через редакции и прессу, отмечая, что каждое появление его труда в прессе, якобы вызывало всегда затаенную, иногда явную злость и ненависть к Ласковичу тех, кто определяет судьбу бывших членов КПЗБ на местах и все это его до глубины души обижало и оскорбляло, отравляло душу [5, л. 35].

Наш герою казалось, что у него мало друзей и соратников которые бы ему существенно помогали. Так в переписке с Орехво об очерке о Панковой в журнале «Неман» он отмечал, что очерк перерос свой размер и тянет на документальную повесть. Ласкович констатировал, что для превращения очерка в повесть нужна литературная обработка так как содержатся прекрасные отзывы от читателей, но нашему герою не понравилось то, что редакция навязывала ему соавторство. Ласкович указывал в переписке с Орехво что «чистят» всех, однако никто не навязывал никому соавторство, кроме него. И редакция существует, чтобы оказывать людям помощь, но из-за того что Ласкович честен и до «бескрайности беден», ему и дают соавторство и констатирует, что «бедность всегда остается в непочете» которые его отбрасывают на самые последние ряды в этом «безжалостном и кровавом мире». Ласкович в письме к Орехво указывал, что пока не встретил на своем пути весомого человека, который бы хоть капельку ему помог [5, л. 28].

Ласкович порой был принципиален и слишком категоричен в своих оценках. Так в переписке с Анисовым Ласкович отмечал, что располагает уникальными материалами о Софии Панковой из Калужского обкома и Института Марксизма-ленинизма, а также сфотокопированными архивами дефензивы. Активно обвинял польскую группу историков в том, что они хуже знают историю Панковой чем он. Считал Панкову поистине своей, русско-белорусской героиней, коммунисткой ленинской школы, которой нужно отдать самую высокую дань уважения, не обращая внимания, кто и что будет о ней говорить в Польше или где-то в другом месте. Ласковичу было свойственно все преувеличивать и эмоционально окрашивать. Так он обвинял польскую группу в том, что они, родня «сионистов» и не намерен перед ними преклоняться, и отметил, что не один из польских историков не посвятил ни одной книги Панковой, считая, что поляки пишут «о себе и о своих». Ласкович считал книги польских историков исторически неточными и искаженными. Можно сказать, что на Ласковича повлияло его же революционное прошлое (негативная реакция на поляков), что выразилось в таком мнении к трудам польских историков [5, л. 131–134].

В тоже время Ласкович отмечал, что ему было не просто заниматься своей публицистической деятельностью что ярко проявлялось в переписках с С.Г. Анисовым и Н.С. Орехво в которых описывалось непростое материальное положение Ласковича. Он

очень хотел сделать экранизацию истории КСМЗБ, что видно по переписке с Анисовым, в которой Анисов давал рекомендации о правильности экранизации истории КСМЗБ. Анисов писал Ласковичу: «Что касается экранизации истории КСМЗБ, то не советовал бы я тебе в эту «историю» ввязываться. Да, я знаю, это дело денежное, грубо говоря можно хорошо заработать, но и легко свернуть себе голову. В прошлом году мне товарищи предложили сделать сценарий о КСМЗБ, используя для этого изданные мной книжонки. Я категорически отказался. Почему? Скажу откровенно: не хочу, чтобы кто-нибудь усмотрел в этом саморекламу и упрекал меня в нескромности. Ведь не только, что всего, в киноочерке и даже кинокартине – не скажешь, а может случится, что кое-что главное упустишь и, тогда будет «основание» для того, чтобы тебя поносили. Еще и еще раз не советую браться за написание сценария, тем, более не имея всех необходимых документов. А если уж решился, то перед тем, как начнешь работать над сценарием, оформи все соответствующими договорами, возьми допуск до архивных материалов» [5, л. 120–122].

Видно, что Анисов предостерегал Ласковича от спешки в экранизации истории КСМЗБ, так как для этого нужно подготовиться, собрать архивный материал, собрать деньги для экранизации.

Ласкович жаловался С.Г. Анисову про свое непростое материальное положение, которое мешало реализовывать многие его задумки, в том числе и экранизацию истории КСМЗБ. Отмечал, что у него сложилась нетерпимая обстановка, так как получал 80 рублей по инвалидности, не пожизненно и вынужден ежегодно обходить до 10 врачей, а потом идти на ВТЭК, что его унижало и высказал мысль о том, что он лучше бы три раза прошел дефензиву, чем один раз ВТЭК, так как наш герой отметил, что его берут под сомнение, якобы он симулянт. О молодых врачах отзывался негативно в переписке с Анисовым, считая их детьми confidentов и прочего недружелюбного ему люда, которые узнав о его прошлом, якобы дословно издеваются, морально глумятся над личностью и тем, чему отдана сознательная жизнь. Ласкович в переписке отмечает, что ему очень нужна реальная и настойчивая помощь Анисова и надеется на него в столице (Минске). Ласкович также просил Анисова обратиться за помощью к Н.С. Орехво [5, л. 111].

Следует отметить, что препятствием для публицистической деятельности Ласковича был не только «финансовый вопрос» но давление советской номенклатуры, он сам это отмечает в своей переписке с Орехво, указывая, что уже два месяца как не работает, так как сам «добровольно» ушел с работы. Потому что не смог снести морального террора, который длился годами и вынужден был написать заявление об увольнении «по собственному» желанию с должности помощника прокурора области, как утверждал Ласкович. Он отметил, что отправил ходатайство в обком об увеличении ему персональной пенсии в максимальном размере, но материалы находящиеся в Комиссии уже два месяца лежат и от них ни слуху, ни духу. Ласкович утверждал в переписке с Орехво, что ему жить не на что, и он морально раздавлен. Ласкович сообщал Орехво, что он ищет материалы по Дубовику по линии милиции, которые очень ценны для его повести. Критикует милицию в том, что она не отдает документы, так как она сама хочет писать сценарий и тем самым брестская милиция «желает сама себя прославить» [5, л. 27].

Можно сказать что на Ласковича присутствовало давление со стороны партийных органов. В виде бюрократической волокиты, на что он постоянно жаловался, видно как он любил эмоционально приукрашать свое положение. Можно заметить, как на Ласковича влияли отношения с советскими чиновниками, которые не всегда были «идеальными», так как часто чинили ему препятствия в издательской деятельности, что вызывало у нашего героя негативную реакцию и устраняло радужные иллюзии на счет отношения советских властей к ветеранам КПЗБ. Вот такие весьма странные и своеобразные отношения были у Ласковича со своими критиками и советскими чиновниками. Однако к бывшим членам КПЗБ, Ласкович относился хорошо и состоял с ними в дружеских отношениях. Отзывался о бывших членах КПЗУ, КПЗБ очень хорошо, привозил от них массу документов, фотографий, но отмечает «что дураки и завистники» не дают ему покоя, играя на руку ЦРУ,

с целью «заткнуть» и выбить перо из рук и заставить замолчать о борьбе революционного подполья [8, л. 9].

Следует обратить внимание на то, что Ласкович очень ценил общение с бывшими членами КПЗБ, для сбора информации по различным вопросам связанными с КПЗБ и освещению судеб неизвестных членов КПЗБ. Примером этого является теплые и доверительные отношения Ласковича с Зденеком Бурешем (поляком) которого приглашал в Брестскую крепость, передал ему брошюру «Твердыня над Бугом». Переписывался Ласкович с Коломыйцевым Александром Ивановичем, чтобы он написал воспоминание о Чапыженко Иване Григорьевиче [1, л. 23].

Ласкович активно переписывался с Кристофом Вильчинским о поиске бывших членов КПЗБ, где Вильчинский помогал в создании Ласковичем «музея Советско-польской дружбы», в который прислал различные открытки «Битва под Грюнвальдом», «Ожел Бялый», конституцию ПНР. Искал Евгению Игнатьевну и других людей. Ласкович выделяет Вильчинского как любителя истории, прошлого, революционной борьбы против капитализма. Умеет правильно поставить вопрос поиска и исследования героического прошлого народа [4, л. 22, 33–35].

Ласкович активно поддерживал связь с бывшими членами КПЗБ, что видно по представленным выше перепискам с Кристофом Вильчинским и Липшицем Исааком Шмулевичем, которые помогали Ласковичу в сборе данных об членах КПЗБ [8, л. 45].

Активную работу Ласковича в деле поиска сведений об членах КПЗБ и популяризации истории КПЗБ отметил бывший член КПЗБ Черевко Трофима Макаровича об публикациях нашего героя:

«Никто из местных людей, бывших подпольщиков не поднялся на такую высоту, чтобы в публикациях осветить революционное подполье, так как это сделал В.П. Ласкович. Если бы не публикации товарища Ласковича все события, переживаемые нами, остались бы в недрах архивной пыли не раскрытые» [10, л. 117]. Со словами этого человека трудно не согласиться, так как по сути выражает коллективное мнение об Ласковиче, большей части тогдашнего советского общества и безусловно вызывал чувство уважения и почтения со стороны простого читателя и историков революционного движения. Таким образом, отношения Ласковича с бывшими членами КПЗБ и исследователями революционного движения в Западной Беларуси, развивались благодаря его активной научно-публицистической деятельности, что содействовало росту его известности и популярности в советском обществе.

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 15.
2. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 16.
3. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 28.
4. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 43.
5. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 79.
6. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 108.
7. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 130.
8. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 144.
9. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 269.
10. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 395.
11. Ласкович, В.П. Из племени непокоренных / В.П. Ласкович. – Брест: Управл. по делам печати Брест. облисполкома, 1999. – 382 с.
12. Ласкович, В.П. Подвиг Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) 1919–1939 гг.: ист. очерк / В.П. Ласкович, В.В. Ласкович. – Брест: ОАО «Брестская типография», 2002. – 404 с.
13. Ласкович, В.П. Тайными тропами : документальная повесть / В.П. Ласкович. – Минск: Беларусь, 1974. – 173 с.
14. Ласкович, В. П. Отзвук далекой грозы: (военные мемуары): 1939–1945 годы / В. П. Ласкович, В. В. Ласкович. – Брест: Брестская типография, 2007. – 367 с